

Николай ВЕЧТОМОВ:

Я СОЗДАТЕЛЬ МИРА, А НЕ РАЗДУМЫВАТЕЛЬ О НЕМ

Встр. клуб. — 2001. — 24 авг.
— с. 11

Лианозовская группа художников стала легендой. Название она получила от станции Лианозово, что по Савеловской дороге, где жили в бараке Оскар Рабин и его жена Валентина Кропивницкая (дочь художников Евгения Кропивницкого и Ольги Потаповой). Постепенно рос круг друзей-художников: Свешников, Калинин, Яковлев, Зверев, Плавинский, Немухин. С художниками дружили поэты — Сапгир, Некрасов, Сатуновский. В 1967 году состоялась выставка в клубе «Дружба» — первая в истории «другого» искусства. Почти все лианозовцы были ее участниками. Сейчас в Музее современного искусства Церетели открылась новая экспозиция. Немалое место в ней отведено лианозовцу Николаю Вечтому.

— Все началось с того, что после рождения дочери в 52-м году мы с женой были вынуждены уехать из Москвы — жили-то вчетвером в пятнадцатиметровой комнатке. А жене предложили преподавать русский язык в подмосковной школе. И вот мы сняли комнатку с верандой в избушке в деревне Виноградно на станции Долгопрудная. Иногда к нам приезжал Володя Немухин. С ним или без него — я обязательно ходил на этюды. И кто-то мне сказал, что где-то рядом живет художник.

— Это и был лианозовский «патриарх» Кропивницкий?

— Так вот, я как-то вышел писать этюд двухэтажного дома напротив. А в нескольких десятках метров от меня сидел пожилой человек и писал этот дом. Я пошел к нему, а он направился ко мне навстречу. Так мы познакомились с Евгением Леонидовичем. Вскоре я встретил у него высокого улыбающегося человека по имени Оскар Рабин — мужа Валентины Евгеньевны Кропивницкой. Познакомил их со своими однокашниками Володи Немухиным, Лидой Мастерковой. После реабилитации из лагеря на Бадашхе приехал Лева Кропивницкий. Понемногу я их всех перетаскивал на свою работу.

— Это куда?

— Комбинат декоративно-оформительского искусства на ВДНХ. Мы все получили достойный кусок хлеба. Ведь Оскар, например, до этого работал десятником на разгрузке вагонов. И вот однажды, уже в 1956 году, я взял в павильоне «Пчеловодство» срочную работу. Нужно было сделать множество плакатиков сепией, это хорошо оплачивалось. Я предложил Оскару сделать их вместе. Приехал к нему, всю ночь мы работали. Наутро нас сфотографировала Валентина Кропивницкая — теперь это знаменитая фотография. А

в павильоне «Поволжье» работала уже вся наша компания: Оскар, Володя, Лева, Лиди и я бригадиром.

— Оформительством как-то было связано с творчеством?

— Что вы, одно от другого четко отграничивалось. Мы очень хотели пробиться в настоящее искусство, писать, выставляться. Конечно, в МОСХе только плечами пожимали. А мы тем временем искали — каждый свою форму.

— А какую свою форму можно было найти в обстановке тотального соцреализма?

— Ну не огрубляйте. У нас же были прекрасные учителя, настоящие художники: я успел поучиться у Перуцкого, Шестакова, Дорохова, Бойма, Хазанова, Шверубовича, Платова, Симилина. Все это в Московском городском художественном училище, пока его не разогнали «за формализм». Но традицию первой волны русского авангарда мы успели впитать — ведь наши учителя знали о ней не понаслышке. А вот что происходит в искусстве Запада, мы понемногу начали узнавать уже только после смерти Сталина.

— Было стремление влиться в его русло?

— Скорее стремление полностью себя выразить. Чем больше мы узнавали, тем меньше хотели походить на кого-то. Оскар, например, то экспериментировал с детскими рисунками, то писал очень красивые работы — но они ему не нравились, он их сжигал. Помню июньский день 1958 года. Я шел мимо одноэтажного барака, где жил Рабин — точно такого же, как на его полотнах. Свежая зелень, из распахнутого окна — громкая музыка, Первая симфония Шостаковича. Постучался, вхожу. Стоит Оскар с палитрой и кистями, взволнованный: «Все, Коля, я нашел то, что мне надо!» И

такой уверенный у него был голос, что я понял — да, он нашел, раз и навсегда. Крыша дома, заснеженная, деформированная, как всегда у него, и на ней черные коты. Это так называемая «Работа № 1». Потом были № 2, № 3 — и никуда он больше не сворачивал. А в августе у меня появился мой «Реквием».

— Самая первая работа — и такая серьезная тема.

— Я ведь участник войны, танкист, дважды был в плену, дважды бежал из лагерей.

— В начале 60-х критики будто отвернули кран, требуя новых форм. И из него полились новаторские произведения.

— Официозная критика считала, что это она побудила художников к творчеству. А на самом деле официоз пришел в буквальном смысле к готовому результату. С конца 50-х я пробовал все, что хотелось.

— Живопись с натуры помогала в поисках?

— Да, я примерно десять лет до «Реквиема» занимался пейзажем. Мне вечерние состояния природы дали совершенно особое отношение к цвету, плотному, насыщенному, и к свету — не случайно у меня то солнце, то огненные сполохи, то луна... Вот постепенно я и создал свой мир. Стал населять его всякими существами — был там и Дон Кихот, и Змея-Фатум. Но, честно говоря, я все-таки создатель мира, а не раздумыватель о нем.

— Как вы все, такие разные художники, уживались? Было принято обсуждать живопись друг друга?

— Мы слишком разные, обсуждение на словесном уровне могло бы привести к непониманию, возникли бы споры — к чему? Было еще ощущение, что необходимо противостоять враждебной обстановке вокруг. И это учило нас ценить человеческие отношения.

— Ну вот, осознали, что должны противостоять. А дальше?

— Оскар показывал свои картины у себя в бараке. Я сделал свою выставку в комнате мамы в Южнском переулке. В течение месяца ее посетили то ли 300, то ли 400 человек. Когда начали приходить группами, повалили студенты, я подумал — все, надо закрывать. Это было в 1961 году. Выставка помогла обрести новых друзей-единомышленни-

ков: тогда впервые в моей жизни появился художник Дмитрий Краснопевцев. Приходил замечательный акварелист Федор Платов, приходила Татьяна Самойлова...

— И вы оставались верны своей форме?

— Ах, какой внутренней свободой манил экспрессионизм! Помню, Миша Кулаков клал на пол огромный холст, забираясь на шкаф, кричал: «Feuer!» — и делал разливы красками, выдавливал их из тюбика прямо на холст.

— Николай Евгеньевич, а как вы относитесь к тому, что происходит в искусстве сегодня?

— Происходит разное, многое интересно. Не нравится мне разве что крайний экстремизм некоторых художников, проявления вседозволенности. Свобода без границ — это, знаете ли, явление угрожающее. Парадоксально, но ведь Оскар Рабин прав: свобода есть враг демократии. Скажу больше: чрезмерная свобода — враг искусства, потому что стираются грани между искусством и неискусством.

— А в чем причина этого крайнего экстремизма?

— Очень сильны меркантильные побуждения. Основной закон нашего современного искусства — желание пробиться на Запад. Оно-то и чувствуется в работах, и не скрою, что на 99 процентов сегодняшние работы мне не нравятся, хотя имен я называть не буду. Мы даже ненароком не хотели повторить творчество какого-то западного художника. Сейчас очень часто применяется какой-то трюк. Непостоянство, неверность самому себе выдается за концептуальность. А ведь трюкачество неизменно снижает уровень — тот же «Арт-Манеж» превратился в рыночное мероприятие не в хорошем, а в уничижительном смысле.

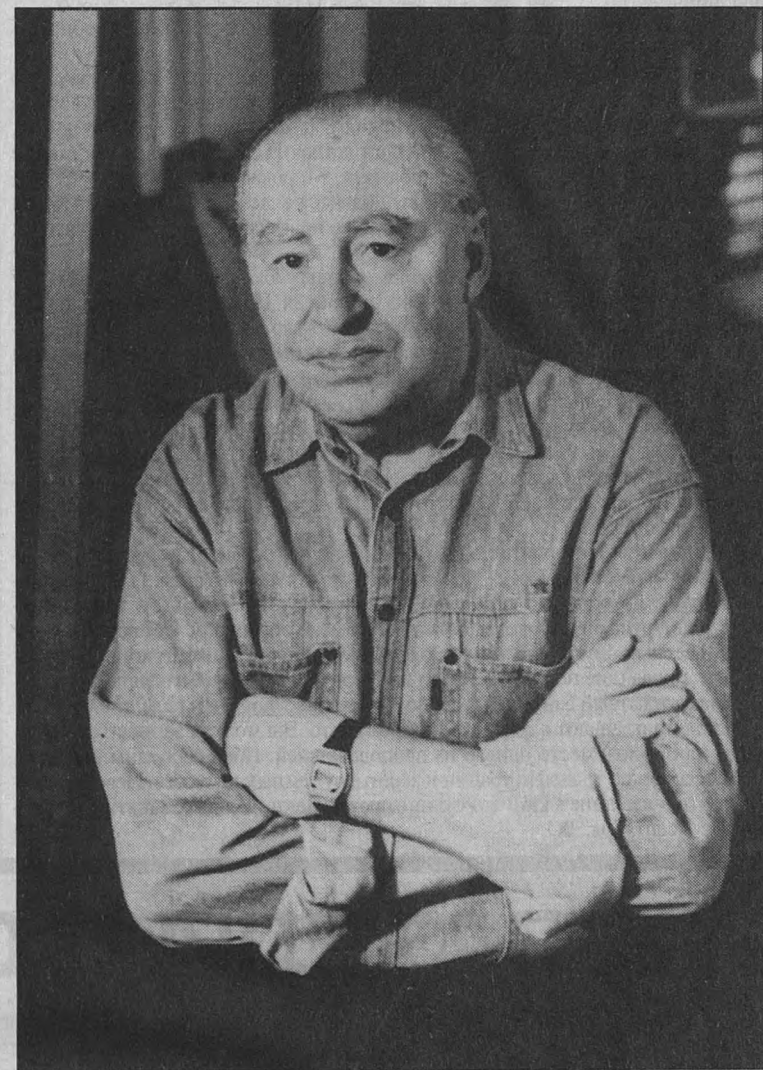
— А на что вообще живет художник?

— Только на свои работы.

— Ну и что же удерживает от экстремизма?

— Здравый смысл, и более ничего. Художников-безумцев в истории на самом-то деле единицы.

— Ваша совершенно реалистическая выставка в Литературном музее потрясла многих любителей вашего творчества. Вы, будучи еще и крепким реалистом,

смогли бы за большие деньги написать, например, реалистический парадный портрет английской королевы?

— Я?!

— Ну да. Вы же умеете писать с натуры.

— Зачем?! Мое дело — создавать новые формы, искать их в самом себе и писать. Дело художника другой специализации — назовем его придворным художником — писать парадные портреты властителей и вельмож. Так всегда было. Пусть каждый занимается своим делом. Правда, раньше и среди придворных портретистов случались великие мастера, а сейчас это перешло уже в чисто ремесленную стадию.

— Обычно чем ближе художник ко двору, тем больше у него денег, влияния, возможностей... А как вы считаете, Государственную премию давали кому-нибудь, кто был далек от сильных мира сего?

— Конечно. Краснопевцев, Франсиско Инфанте получили Госпремию именно за свои реальные заслуги перед живописью. Сейчас премию дали Кудряшовой — это тоже оправдано.

— Для того, чтобы создавать свою форму, нужно ли иметь обостренное чувство среды?

— Да, разумеется. У меня всегда было острое чувство природы. Я много лет ходил на лыжах по безлюдным подмосковным лыжням, и это подпитывало мою любовь к пространству.

— А городская среда?

— Ну, она меня волнует просто как москвичка. Меня очень радует, что Москву приводят в порядок. Доберутся и до дворов. Нет больше уродующих ансамбль новых зданий. Правда, мне не нравятся те, кто хочет разрисовывать любую свободную плоскость: сделали новый переход подземный, в мраморе, так нет, сразу его норовят размазывать, это неприятно. Мне не сразу, но все-таки понравилась и Манежная площадь — раньше ведь она была пыльной пустыней, несмотря на обилие машин. И знаете, я заметил: на красивых улицах значительно меньше стало хамства и больше улыбающихся, доброжелательных лиц.

Встречалась
Вера КАЛМЫКОВА